

КРОКОДИЛ

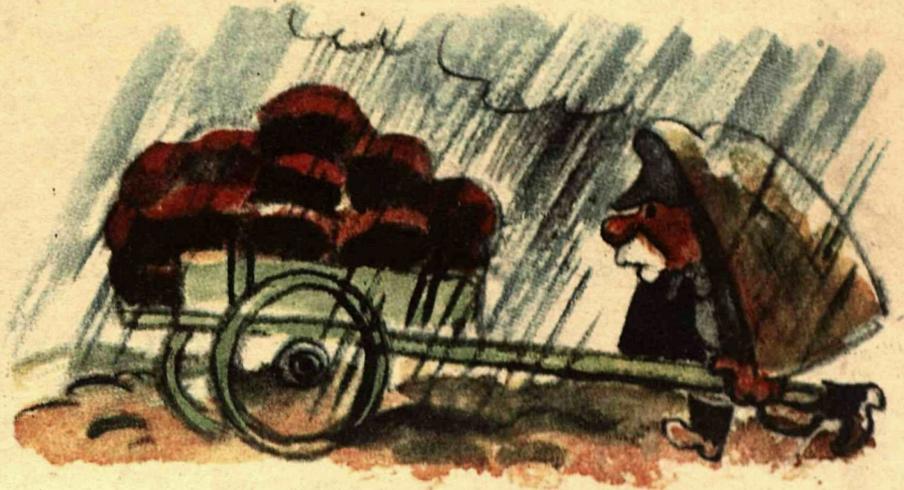

— Мама, почему сегодня такая вкусная булка?

П О Т О М У Ч Т О...

— Ее в булочной хранили не так.

— По городу ее провозили не так.

— Пекли ее не так.

— Тесто для нее месили не так.

— Муку для нее смолоти не так.

— А почему, мама, бывают плохие булки?

— ПЕРЕЛИСТАЙ, ДОЧКА, ЭТОТ НОМЕР — УЗНАЕШЬ...

БЫЛЬ О СТЕПАНЕ ДАНДОВЕ

Большой Медведицы нет ковша,
Луна не глядит с небес.
Ночь темна... Затих Черемшан,
Гасит огни Мелекес.

Уснул и Бряндинский колхоз...
Только на дальних буграх
Ночь светла без луны и звезд:
Там тарахтят трактора.

Другие кончают осенний сев,
Стыдно им уступать:
Вот почему сегодня не все
Бряндинцы могут спать.

Пускай осенняя ночь дрожа
Холодом бьет в ребро,—
Люди работают и сторожат
Свое трудовое добро...

Амбар—копилка общих трудов—
Полон отборных семян.
Его сторожит Степан Дандов,
По прозвищу Цыган.

Крепок амбара железный запор,
Зорек у сторожа глаз.
Не потревожит враг и вор
Семян золотой запас.

Слышит Степан, как новые га
С бою берут трактора.
И ночь идет, темна и долга,
И долго еще до утра.

Мысли плывут, как дым махры:
„Колхоз... ребятишки... жена...
Скоро всем для зимней поры
Обужка будет нужна...“

Осенняя ночь долга и глуха,
И утра нет следов,—
Еще и первого петуха
Не слышал Степан Дандов...

И вдруг — испуг расширил зрачок
Черных цыганских глаз:
На небе огненный язычок
Вспыхнул и погас.

И следом дым, как туман с реки,
Клубом поплыл седым.
И взвились новые языки
И палевым сделали дым.

И рассказало всем без слов
Волос его серебро,
Как сторожил Степан Дандов
Колхозное добро.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Глядит Степан из черной тьмы,
И губы шепчут дрожа:
— Или соседи... или мы...
В нашем конце пожар!

Огонь присел в дыму глухом,
Невидимый, но живой,
И прыгнул огненным петухом,
Вздымая гребень свой.

Степаново сердце бьет набат,
Забегал сонный колхоз.
И вспыхнул крик: „Дандовы горят!“
И прогремел обоз...

Искры тучами красных мух
Носятся над огнем...
Степан едва переводит дух,—
И двое спорят в нем.

— Степан! Колхозные семена
Не время тебе стеречь!
Смотри! В огне семья и жена!—
Так первый держит речь.

— Горит твой дом! Горит твой кров!
Что тебе до людей?
Беги, Дандов! Спешу, Дандов!
Спасай жену и детей!

Но в этот яростный разговор
Крикнул голос второй:
— Постой, Степан! И враг и вор
Ходят ночной порой!

Такого часа ждут они,
Готовы к черным делам!..
Жена и дети—там не одни,—
Ты здесь нужней, чем там.

Амбар получше обойди,
Быть может, не спроста
Горит твой дом! Не уходи!
Не уходи с поста!

Тебе плоды колхозных трудов
Недаром доверил мир!..
И был на посту Степан Дандов,
Пока не снял бригадир.

Утих пожар. Как дым белес,
Холодный встал рассвет.
И тут увидел весь колхоз,
Что черный сторож—сед.

НЕ В ПРОВОРОТ

(Монолог шляпы)

У нас, на Северном на Кавказе, урожай хлебов в этом году знаменитый. Ведь и то сказать: во-первых, земля хлебородная, во-вторых, организация труда правильная, а в-третьих, всех взбодрил закон о зернопоставках. Ну как тут не быть урожаю? Урожай редкостный. В нашем Брюховском в районе, прямо, можно сказать, не в проворот урожай! Такой урожай, что я, конечно, на нечистую уборку сквозь пальцы глядел и к нажимам не прибегал. Ну, осталась неубранной такая-сякая толика зерна: что ж тут существенного? Ведь урожай-то не в проворот!

Такого урожая старожилы не помнят, отцы-деды не видели! Откровенно сказать, настолько большой урожай, что мы даже не стали принимать мер по охране.

Ну, растаскают малую порцию, попользуются: уж не без этого... Да что ж оно означает при нынешнем урожае? Ведь не в проворот урожай!

Спокойствие чувствуешь с таким урожаем. Обеспеченность ощущаешь. Будь он так себе, средний, тогда, конечно, другое дело. Тогда, конечно, не стал бы я сквозь пальцы глядеть, как наши ребята разбазаривают по рынкам хлеб, еще не выполнив зернопоставок. Тогда бы я их на цугундер! А нынче, при богатом таком урожае,

неудобно и придраться. Эко дело, подумаешь! Не последнее продают. Ведь надо ж учитывать, какой нынешний год у нас урожай. Не в проворот!..

При подобном при урожае начинаешь себя чувствовать другим человеком. Спокойно тебе. Ни хлопот ни забот, база потому что подведена. И одно только беспокойство: не ладится у нас в нашем колхозе дело с выполнением зернопоставок. Не ладится оно само по себе, а из района налетают на кого? Из района налетают на меня: — Ты — председатель колхоза, ты и в ответе! Объясни-ка свой злостный саботаж!..

А тут и объяснять нечего, потому что нет никакого саботажа. Просто маловато у нас зерна. Урожай-то был преогромнейший, но собрали ж его не весь? Не весь! На полях снопы гнили! Кулаки зерно разворовывали? Разворовывали! По рынкам хлеб разбазарен? Разбазарен! Вот и все вам причины!

— А кто ж, — говорят, — виноват?

— А неужто же я? Известно, кто: кулацкая агентура. За агентуру я не ответчик. Человек я честный, советский и отдуваться за нее не намерен!

Главное же: к чему такие налеты и беспокойство? Из-за чего? Недород, что ли, у нас? Вот велика-то беда: наш колхоз хлеба не сдал! Да ведь хлебом нынешний год хоть засыпся! Ведь какой везде урожай-то: не в проворот урожай!..

ГРАМЕН

Товарный вагон № 28112 тихо дремал на путях. Где-то вдали тренькала балалайка, и чей-то простуженный голос напевал высокоактуальный романс: „Дорогой длинною, дорогой лунною“... Из светящегося домика изредка слышались ожесточенные возгласы:

— Семь пик! Вист!.. Сапожник! С длинной масти не ходят!

Станционное руководство заканчивало пулю.

На путях заколыхались тени. Раздался свист, испуганно вскрикнула кукушка и со всего размаха наскочила на вагон № 28112. Он встрепнулся, застонал и, скрипя несмазанными буксами, понесся вперед.

— А вагон-то не вычистили, — вспомнил сцепщик. — Там грязи на четверть навалено. — Три четверти осталось — и ладно, — философски зевнул составитель.

По мусору, покрывавшему дно вагона, можно было точно установить, какие грузы нес он на своих плечах за последние несколько лет. Снизу лежал плотный слой чернозема с остатками когда-то перевозившейся картошки. Выше виднелось что-то пепельно-серое — явные следы суперфосфатов.

Вагон № 28112 уже подходил к элеватору.

Поверх суперфосфатов навалом начали грузить зерно.

И снова была ночь, и снова была луна, и опять тренькала балалайка.

Опять свистел сцепщик, и со всего размаха била вагон кукушка.

Наконец мучения вагона № 28112 окончились. Он вышел на главный путь в хвосте длинного товарного состава, который направлялся на север.

Вагон, кряхтя, одолевал подъёмы, пробегал мимо станций и полустанков, но больше всего

он стоял в тупиках, у закрытых семафоров и в открытом поле.

Стенки вагона были в щелях, и из них при малейшем толчке сыпалось на полотно зерно.

Уже к середине многострадального пути вагона № 28112 остался только небольшой слой зерна, сквозь который явственно проступала земля, удобренная суперфосфатами.

Шли дожди, а крыша вагона тоже протекала.

Природа молчаливо делала свое дело. После дождей выглядывало солнышко, и на тучном черноземе, обильно удобренном суперфосфатами, зерно начало прорастать.

На какой-то станции у вагона загорелась букса. Вагон отцепили, и он снова задремал в ожидании текущего ремонта.

Через месяц это уже был не вагон № 28112, а поле на колесах. К этому времени крыша окончательно прохудилась, и ничто больше не мешало правильному произрастанию посевов. Суперфосфаты оказались на высоте.

Вагон опять двинулся в путь.

По платформе станции Косуй носился юноша с блестящими глазами по фамилии Кактус. Он ежедневно в один и тот же час забегал к дежурному по станции, взволнованно размахивая дубликатом. Дежурный уже не мог смотреть на юношу и, отворачиваясь, привычно бормотал:

— Не прибыли твои пальмы! Не прибыли!..

Тогда юноша снова выбегал на платформу и долго стоял, всматриваясь в даль, туда, где юг, где Сухум, где пальмы.

Юноша несомненно был энтузиастом и не мог дождаться того счастливого момента, когда широколистные финиковые пальмы украсят главную и единственную улицу города.

И в один из таких дней на станцию Косуй прибыл, наконец, вагон № 28112. Первым его обнаружил тов. Кактус. Сердце его учащенно забилось. Он увидел зеленые стебли, буйно выбивавшиеся из-под дырявой крыши.

Как тигр, он ринулся к дежурному по станции.

— Прибыли! Прибыли! — кричал Кактус, выволакивая дежурного на платформу.

Юноша с блестящими глазами танцевал воинственный танец команчей. Он был счастлив.

Взглянув на документы, дежурный вдруг удивленно вытаращил глаза.

— Зерно... пшеница... навалом... сорт манитоба... что за навождение?

Пляска команчей внезапно оборвалась. Чужа недоброе, юноша подошел вплотную к дежурному.

— Нету твоих пальм! Не прибыли! — уже обычным тоном пробормотал дежурный. — Разве не видишь: зерно, пшеница, сорт манитоба.

— А это что? — взвизгнул Кактус, показывая на роскошную зелень, тянущуюся к солнцу.

Вагон был, наконец, вскрыт. И тогда заколебались оба: буйные всходы были не похожи ни на зерно манитоба, ни на финиковые пальмы. Воцарилась тягостная тишина.

Вагон снова загнали на запасный путь. Была создана комиссия по определению таинственного груза на станции Косуй.

Комиссия долго спорила, расходилась, сходилась, опять заседала и опять нюхала неизвестные злаки. И когда третий член комиссии, наконец, начал уже склоняться к тому, чтобы считать таинственные растения пальмами, произошло совершенно непредвиденное событие: пальмы заколосились.

Пришлось вместо одного акта составить два: один — о преступно небрежной транспорти-

ровке зерна сорта манитоба в вагоне № 28112, и второй — о пропаже вагона с финиковыми пальмами, следовавшего по маршруту Сочи — Косуй.

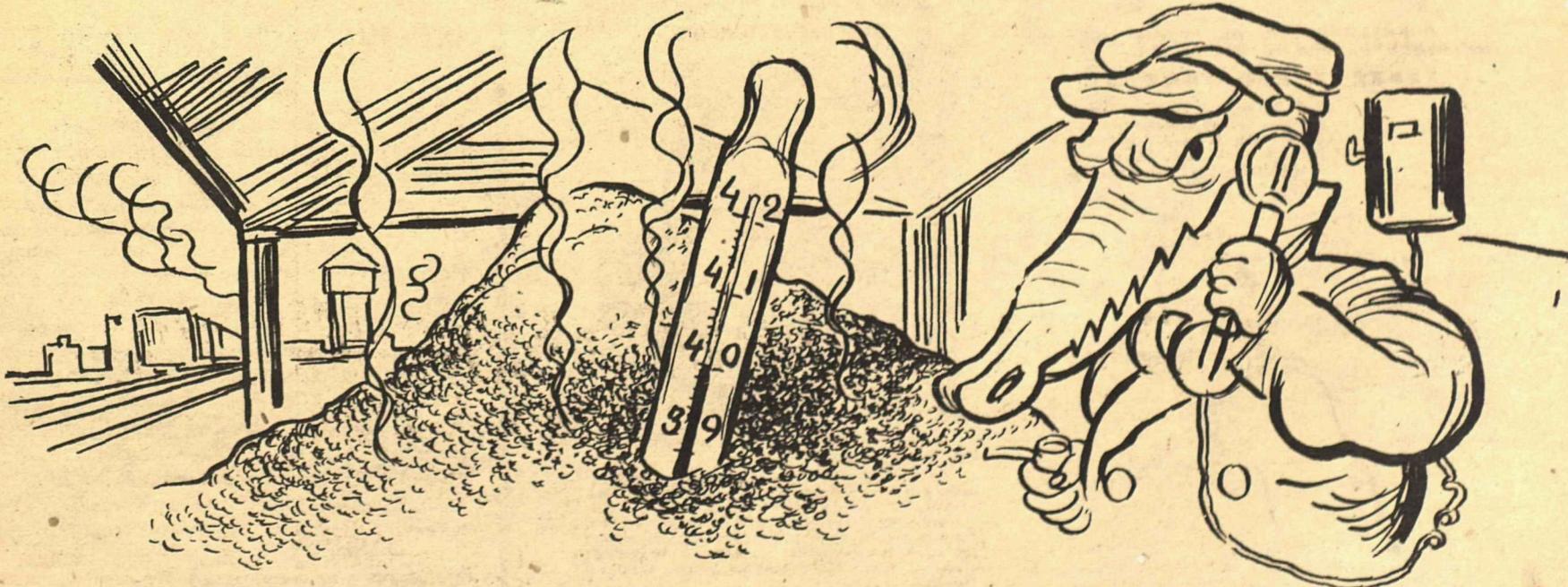
Товарищ Кактус плакал холодными северными слезами.

АБРАГО

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Рис. Л. Генча (тема К. Елисеова и В. Лободова-Кумача)

В пакгаузе ст. Киев-1 лежит 600 тонн сырого зерна. Зерно горит, температура его доходит до 40°.

КРОКОДИЛ: — Алло! Скорая помощь? Выезжайте немедленно, — у больного 40 градусов!

КРОКОДИЛ НА ЕКАТЕРИННСКОЙ

Тонот и темы Е. Веснина и М. Глушкова

Рисунки Н. Е.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

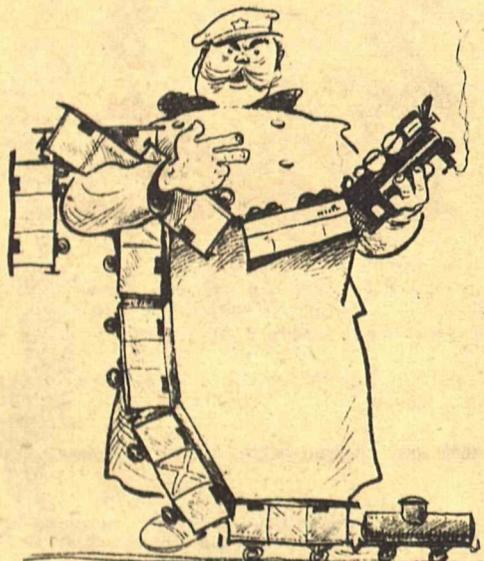
Значительная часть работников ОРС Екатеринбургской сидит на скамье подсудимых.

Посадка далеко не кончена.

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

В Долгинцевском районе разложение дошло до того, что группа преступников—ответственных работников района организовала продажу целых поездов.

— А вот покупай, налетай!.. Пара пятнадцать, пара пятнадцать!..

ХАРАКТЕРНАЯ ФАМИЛИЯ

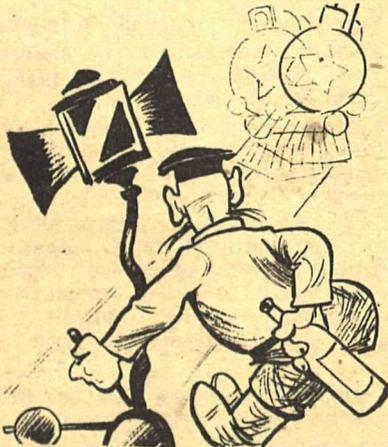
Заместитель начальника Ясноветского района Хизля—типичный ведомственный железнодорожник. Никакой линии, никакой целеустремленности, никакой дисциплины.

— А где тут товарищ Хизля?
— У нас хизлей много, назовите имя и отчество.

ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА

Дежурный по станции Березеговатая Марков устроил выпивку в кабинете начальника станции. Участники выпивки—пьяные стрелочники Руденко и Шевченко—покинули свои посты.

— Батюшки, никак два поезда по одной колее идут?! Ну и служба!

Мы знаем, что наших читателей не удовлетворишь только карикатурами. Читатель требует, чтоб ему указали конкретных виновников безобразий на Екатеринбургской дороге. Читатель хочет видеть настоящее лицо руководства Екатеринбургской дороги.

ВОТ ОНО ЭТО ЛИЦО

Начальник Екатеринбургской дороги Тюренков.

Не думайте только, что Тюренков не перестроился! Как же! Тюренков издал о перестройке специальный приказ... на 44 страницы. Что, удовлетворены, дорогой читатель? Нет? Конечно нет! Читатель редко бывает удовлетворен! Ему мало, что мы сняли Тюренкова. — он требует, чтобы его снял и НКПС. Терпение, дорогой читатель! Терпение!

Р. С. Когда номер уже находился в печати, тов. Андреев специальным приказом отстранил Тюренкова от работы. Как видит читатель, мы не долго испытывали его терпение!

БЕСХОЗЖЕЛДОР

Человек в зеленой телогрейке бродил по путям станции Козлов и писал мелом на товарных вагонах:

„Сельхозжелдор“.
— Чего пишешь, товарищ? — спросил его человек в пальто с поднятым воротником.
— Чего пишу? — ухмыльнулся тот, что в телогрейке, — а вот дорожку переименовываю!
— Почему переименовываешь? Приказание, что ли, какое было?
— Зачем? Никакого не было приказа. По собственному желанию. Как понимаю, так и пишу!

— В каком же это смысле „сельхозжелдор“? — продолжал любопытствовать человек в пальто.
— В каком? Сельскохозяйственная железная дорога — вот в каком.

— Почему же именно сельскохозяйственная, а не какая другая?
— Почему? Ты на товарные вагоны погляди. Гляди, какие вагоны!

— Да, неважные вагончики!
— Неважные? Надо прямо говорить — решето, а не вагоны. В таких вагонах ветер возить. А ты погляди, чего в них засыпано!

— А чего засыпано-то?
— Чего засыпано? Зерно засыпано. Вот.
— Ну, и что ж? Мало ли какой груз.

— Какой? Не крути ты вола. Дурочку не валяй. По этой дороге самый зерновой завоз. Во-от. И сейчас — самый разгар посевной кампании. На дороге. Во-от!

— Сейчас? — вытянул человек шею из воротника, — разгар посевной кампании? На дороге? Какая посевная кампания? Да еще на железной дороге? Чего ты мелешь?

— Чего мне молоть? Мне молоть нечего. Не мельник!
— А кто? — подзудил другой.
— Кто? Сцепщик.

— Ага! Так как же оно получается с посевной?
— Как? Ты под вагоны погляди, когда состав тронется, на полотно. Вот где зерен между шпалами. Посевкампания!

— Так. А насчет уборочной как же?
— А как? Землю между шпалами не вспахивали... Как?

— Это ничего. Мы уборочную подгоним и посевной.
— Чего?

— Говорю, уборочную кампанию проведем. Понимаешь, уберем... кого следует.
— А ты кто?

— Я?.. Я приезжий... Пассажир!
— Пассажир? А не начальство? Врешь ведь?
— Ну, этот вопрос не по существу! — уклончиво ответил человек в пальто. — А что переименовываешь дорогу — это правильно. Только по существу переименовывать надо. Я бы назвал дорогу:

„Бесхозжелдор“.
— Это чего?
— Бесхозяйственная железная дорога.
— Как в аптеке! — кивнул головой человек в зеленой телогрейке.

Л. МИТНИЦКИЙ

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ НА ТРАНСПОРТЕ

На многих станциях не изжитая семейственность.

Вагон, разбитый всем своим нутром, Расплаты требовал и вопил о мести. Начальник станции гремел, как гром, Был Немезидою и Зевсом грозным вместе. — Подать диспетчера! Сейчас его — в приказ!

На трое суток посажу с позором, — Но тухнут молнии сердитых глаз: — Гм... ведь диспетчер — шурин ревизора.. Гм... да... пожалуй, он не виноват... Но где дежурный? Дурень малокровный. Подать его!.. Тсс... тьфу, ты чорт, он — брат Жены начальника района Марь Петровны! Но вдруг зажглись огни усталых глаз, И грянул гром, и отступила жалость, И стрелочник Трофим попал в приказ, — У шляпы „тетенок“ не замечалось!

Но через день приказ со стенки снят. И стрелочник был тоже чей-то брат!

Р. РОМАН

ТРИ НЕОБЫКНОВЕННЫХ СЛУЧАЯ

— На почве хлебопечения, — развязно начал барон Мюнхгаузен, самый популярный лжец в мировом масштабе, — со мной были изумительные случаи...

Пассажиры ближе пододвинулись к королю лжи, чтобы не пропустить ни одного из его замечательных приключений. Барон Мюнхгаузен откинулся на спинку вагонной скамейки, закурил сигару и продолжал:

— Кажется, это было в Сызрани, а может быть в Костроме. Одним словом, где-то между Рязанью и Владивостоком, где вопрос о хлебопечении ещё не встал, так сказать, ребром. Представьте себе: вот так ночь, вот здесь лес, а здесь — я. Темень такая, что даже трудно понять, где лес, а где я. И вдруг я чувствую, что меня хотят с'есть. Во мне заговорила кровь Мюнхгаузенов. Я грациозным движением обернулся навстречу опасности, и что же: перед мной стоял волк. Громадный волк с такой пастью, в которой поместился бы радиоприемник, или минимум детская кроватка. По выражению его глаз я чувствовал, что я ему нравлюсь, как жаркое. „Оставьте меня!“ — сердито сказал я. „Не оставлю“, — угрожающе ответил волк. Как сейчас, помню эту волчью фразу, произнесенную с легким костромским выговором. „Я убью вас“ — предупредительно произнес я, смутно соображая, сезон ли сейчас охоты на волков или я поступаю незаконно. Волк ответил легкой улыбкой. Я в ужасе сообразил, что со мной — никакого оружия, кроме безопасной бритвы и обойного гвоздя в жилетном кармане. Но я не растерялся. Недрогнувшей рукой я залез к себе в дорожную сумку, вынул оттуда булку, только что купленную на ужин, взмахнул ею в темноте и опустил на голову волка. Несчастное животное упало с раздробленным черепом, даже не пикнув.

Мюнхгаузен, закончив рассказ, торжественно посмотрел на слушателей.

— Вполне возможная вещь, — равнодушно заметил один из пассажиров, — булочка-то случайно не костромская ли была?

— Может и костромская, — сухо ответил барон Мюнхгаузен.

— Оно и видно. Нашей костромской булкой не то что волка — медведя сгубить можно.

— Нашей рязанской — тоже, — зевнув, поддакнул другой пассажир, — это уж будьте покойны.

Барон Мюнхгаузен обиженно кашлянул и уже более робко начал снова:

— Знаете ли вы, что такое замерзать в собственной квартире?

— Да, — убежденно ответил пассажир с полки.

— Нет, вы не знаете. В этот день я чувствовал себя, как битая птица в вагоне-холодильнике на запасном пути. Холод в квартире был, как в выходной день на северном полюсе. И из-за чего? Дуло из окон. Я ходил по городу и искал замазки. Увы, всю замазку местные кооператоры отправили в Сочи к разгару курортного сезона, а может быть, продали ее как туалетное мыло во время подсчета товаров. Я изны-

вал по замазке. Но отчаяние придает мне всегда мужество и находчивость. Я купил пять булок и, что же вы думаете, они оказались настолько похожими на замазку, что в комнате у меня сразу стало тепло, как в австралийские сумерки. В углу даже зацвела искусственная пальма...

— Вполне возможно, — спросонья вмешался нижний пассажир, — не псковские, случайно, булочки-то были? В Пскове это первое дело... бывает...

— Опять же, и в Казани, — приоткрыв один глаз, отозвался пассажир с полки, — там тоже ежели окно замазать, — обязательно булочкой.

— Скучные истории, гражданин, рассказываете, — проходя, заметил кондуктор, — спали бы лучше...

Барон Мюнхгаузен робко с'ежил-ся в углу и, покраснев, начал снова робкими лепечущими фразами.

— Еще один случай был... Просыпаюсь я утром и чувствую, что сегодня со мной ничего не произойдет. Решительно ничего. Накинул халат, подхожу к столу и вижу: лежит на столе обыкновенная, хорошо пропеченная, чистая булка, с румяной хрустящей корочкой...

— Как? — внезапно вскочил пассажир на верхней полке. — Хорошо пропеченная булка?

— Что вы говорите? — проснулся пассажир внизу. — Чистая? Врете, гражданин...

— Я за постельное белье уплатила, — сердито вмешалась пассажирка сбоку, — мне выходить скоро надо, а мне врут.

— Уверю вас... честное слово — сконфуженно залепетал барон Мюнхгаузен, — настоящая... пропеченная... с коркой...

— И ведь не краснеет... Врет как на свежем воздухе!.. Вот черт!.. И зачем таких в скорые поезда пускают. Врал бы на товарном, что ли.

Мюнхгаузен стоял на площадке и тер лоб похолодевшей рукой.

— Ничего не понимаю... Волка убил булкой — верят... Окна замазывал — верят... А то, что хорошо пропеченная... Ничего не понимаю...

Поймет или не поймет барон Мюнхгаузен, нас это не интересует. Надо, чтобы это поняли те, которые выпекают булки так, как например на московском хлебозаводе № 8. Именно там больше, чем где-либо в булочных можно найти все, что угодно, кроме хорошо пропеченного теста. Для них и им подобных написаны эти несколько нравоучительных строк.

АРН. БУХОВ

Рис. и тема А. Радакова

— Ваши веса врут! Разве здесь будет кило?
— Не волнуйтесь, гражданка, — веса верные. Вероятно, опять какую-нибудь гайку закрепили.

ПЛОХО РАССЧИТАЛ

Рис. Л. Генча (тема А. Створцакого)

— Ну, кажется, месяцев на шесть обеспечился!

— Нет, приятель, не на шесть месяцев, а по крайней мере на шесть лет!

ДОСАДНАЯ ОПЕЧАТКА

Лева Калякин, фоторепортер районной газеты „Луч социализма“, юноша необузданных фотострастей, прибыл в колхоз „Красная сила“ в знойный августовский полдень.

Станица была пуста и безмолвна. Тощие акации, казалось, едва держались на ногах от жары: так низко опустили они кудрявые головы, седые от пыли. В их неверной и зыбкой тени обморочно маялись разомлевшие свиньи. Лишь какой-то храбрец-петух, кивая развратно алым гребнем, деловито обследовал навозную кучу на самом припеке. Со стороны степи доносился немолчный фырк молотилки, слабое дыхание ветра было насыщено спиртным запахом зрелого хлеба. Шел обмолот.

В правлении колхоза Лева никого не застал. Лохматый, добродушного вида пес, лежавший в сенцах, хотел было для проформы зарычать, но неожиданно раздумал и, улынувшись Лева по-приятельски, вернулся и преванному приходом репортера занятию — громогласному истреблению блох. Давя блоху, он щелкал зубами так звонко, будто колол орехи. Лева решил итти прямо в степь.

„Ударницу-дивчину сниму — раз, — размышлял он, широко шагая по древнему степному шляху. — Чтобы смеялась девушка, чтобы зубы — наперечет, а в глазах — огонь! Ударника-парня — два. Эгого сниму посерьезнее. Производственный момент — три. И какого-нибудь старичка-энтузиаста трахну — четыре. Старичка обязательно. Без старичка-энтузиаста Егоша (так Лева называл редактора „Луча социализма“) и возвращаться не велел“.

...Фоторепортеру повезло: он попал на ток к покурочному перерыву. Мужчины ушли в курилку, а дивчата сидели и лежали в тени молотилки на сочном золоте свежей соломы. Лица их были намазаны белой мазью от за-

гара, голые руки и ноги казались отлитыми из темной меди.

Увидев Леву с фотоаппаратом за плечами, девушки оживились и защебетали.

— Дивчата, бачьте: хвотограф!

— Снимите менэ на карточку, молодой человек, за оце я вас поцилую!

— Не слушайте еи, она и целоваться-то ны умие!

— А ну, тише! — строго сказал Лева Калякин. — Кто тут у вас лучшая ударница? Нехай она станет передо мной, как лист перед травой. Буду снимать для газеты.

Дивчата захихикали, зашептались. И вдруг Нюська Огурко, первая озорница в бригаде, быстрая, как волчок, чернушка, вытолкнула вперед прямо на Леву Гарпину Фанько. Это была толстая, чуть рябоватая, ленивая, как молодая буйволица, девушка — позор бригады. Фамилия ее обычно открывала черный список лентяев и лодырей в бригадных стенгазетах политотдела.

— Оце наша перва ударница! — сказала Нюська, подмигнув подругам. — Ударяет, аж земля гудить.

— Не знае, куда трудодни девати! — поддержала нюськину шутку деловитая Варя Шлыкова.

— Богатенька нивиста! — даваясь смехом, фыркнула кокетливая Маруська Коблева.

— Сколько она заработала трудодней? — спросил Лева, раскрыв блокнот.

— Четыреста! — с восторгом соврала Нюська, увеличив гарпинин заработок почти в десять раз.

Дивчата опять засмеялись. Гарпина смущенно улыбалась, — ей самой понравилась шутка подруг.

— Становись сюда! — скомандовал ей Лева, заряжая аппарат. — Так. Смейся! Рот шире!

Зубы, зубы показывай!.. Вообрази, что я пироги! Небось, любишь пироги, ишь, какая толстая. Да пощекочите вы ее кто-нибудь, чтобы она повеселее была. Так! Довольно, убивать не надо. Шире ротик, золото мое. Так! Спасибо, сеанс окончен!

„Сеанс“ действительно был окончен. Молотилка загудела, и дивчата взялись за грабли. Лева перезарядил аппарат и „трахнул производственный момент“.

...Через пару дней портрет Гарпины Фанько украсил первую полосу районной газеты. Лева не пожалел ретуши, и Гарпина на снимке выглядела красавицей: зубы — наперечет, в глазах — огонь. Под снимком была подпись:

„Первая ударница колхоза „Красная сила“ Гарпина Фанько. Заработала 400 трудодней. Богатая невеста, — говорят про Гарпину ее подруги“.

Газета с гарпининим портретом произвела в станице большое впечатление. В правлении колхоза посмеялись, потом стали возмущаться и решили принять меры. Сама же Гарпина спрятала два номера газеты на дно своего сундучка, где хранились все ее богатства, в том числе новые туфли и платок — скудное приданое ленивицы.

— От, дуреха, — сказал ей дядько Тарас Ракита, гарпинин отчим, усач, запивоха и скептик, — з ей смеются, а она и рада, корова безрога!

Самое же сильное впечатление портрет „богатой невесты“ произвел на Тимошку Курчавина из колхоза „Заря“ — соседнего с „Красной силой“. Ларчик открывался просто: к концу обмолота Тимошка точно установил, что с трудоднями у него не густо. Недаром же фамилия Тимошки в течение всего обмолота украшала позорный список лентяев и лодырей в бригадных стенгазетах политотдела.

Рис. К. Елисеева (тема А. Стоврацкого и В. Лебедева-Кумача)

Нередки случаи, когда зерно грузят навалом в угольные вагоны.

— У вас здесь больше угля, чем зерна!
— Ничего! Перемелется, — все равно мука будет.

— Четыреста трудодней! — алчно мечтал Тимошка. — Це ж почти триста пудив одного хлеба будз. Оце гарно! Женюсь, ей бо, женись. Девка вона, видать, що надо. А здорова кабанюка, скільки наробила! Женюсь, ей бо, женись!

В тот же вечер, одетый в голубую сатиновую рубашку, Тимошка за 15 километров двинул в „Красную силу“. Парень он был красивый, песенник, гармонист, и не одну девушку сгубили его лукавые баян и русый чуб. Тимошка твердо рассчитывал на успех своего предприятия.

Знакомство произошло на лавочке у гарпинных ворот. „Богатая невеста“ сидела одна и, мечтательно подняв редкие рыжие брови, смотрела на легкое вечернее небо, где уже трепетали первые, почти прозрачные звездочки.

— Наше вам с кысточкой, — развязно сказал Тимошка, садясь рядом с Гарпиной. — А в газете вы краше будете, там у вас воспы не видно.

Гарпина густо покраснела и что-то промычала в ответ. Через пять минут она уже звонко смеялась, слушая тимошкины похвалы и прибаутки. Через полчаса они встали и пошли в степь.

На следующий вечер Тимошка снова заявился в „Красную силу“, и опять они ходили с Гарпиной в степь. Тимошка пустил в ход все средства обольщения: до хрипоты пел песни и играл на баяне так, что ртутные капли пота падали с чуба на траву. Он очень боялся, как бы другой оборотистый парень не перехватил у него из-под носа „богатую невесту“. Из тактических соображений он даже и не заикался о гарпинных трудоднях.

Через пять дней по уши влюбившаяся в красивого и ловкого парня Гарпина объявила отчиму, что завтра они с Тимошкой идут в сельсовет расписываться. Тимошка же дома никому не говорил о своей женитьбе, он решил сразу поразить домашних вестью о том, что он, презираемый всеми лентяй и лодырь, женился на ударнице, портрет которой напечатан в газете!

Гарпина одела для загса свое лучшее платье из ситца с веселым узорчиком, изображавшим ударный ремонт лобогреек в совхозе „Гигант“, и новые заветные туфли.

Тимошка в голубой рубашке, причесанный на косою пробор, был великолепен. Даже дядько Тарас, обрадованный тем, что засидевшаяся в невестах некрасивая, надоевшая ему падчерица, наконец, нашла свою судьбу, выглядел празднично в чистых полотняных штанах.

Заведующий загсом Степан Петрович быстро закончил все формальности.

— Поздравляю! — сказал он молодым. — Живите счастливо. Ты, Гарпина, не осрами мужа больше.

— Вона не осрамыть! — сказал сияющий Тимошка. — Вона четыреста трудодней оторвала! Читала в газете?

— Читал, читал, — загадочным тоном молвил заведующий загсом. — На и ты почитай, как твою супругу в районном органе печати продернули.

Он протянул Тимошке свежий номер „Луча социализма“. На первой полосе в углу неприятно жирным шрифтом было напечатано:

— В номере газеты от 15 августа был помещен портрет Гарпины Фанько (колхоз „Красная сила“), якобы ударницы, заработавшей 400 трудодней. Этот портрет — досадная опечатка. Гарпина Фанько не ударница, а лодырь, ее заработок — 50 трудодней.

Прочитав заметку, Тимошка стал бледно-голубым, как его рубашка.

— Пышить обратно! — сказал он хрипло заведующему загсом. — Нема моего согласия. Не могу я жениться на „досадной опечатке“!

Гарпина заплакала. Заведующий загсом растерянно моргал глазами, но тут шагнул вперед дядько Тарас.

— Ось цю дутьку бачив?! — сказал он, показывая Тимошке левой рукой сизый кукиш, похожий на гигантскую сливу, — а цю блянбочку нюхав? — добавил он, поднося к самому носу парня правый кулак, величиной с добрый кавун. — А ну, геть витсила, диты дорогие! Бувайте здоровенько, Степан Петрович!..

...По улице они шли молча. Впереди Гарпина с понурым Тимошкой, позади — в качестве конвоира — сердито сопевший дядько Тарас.

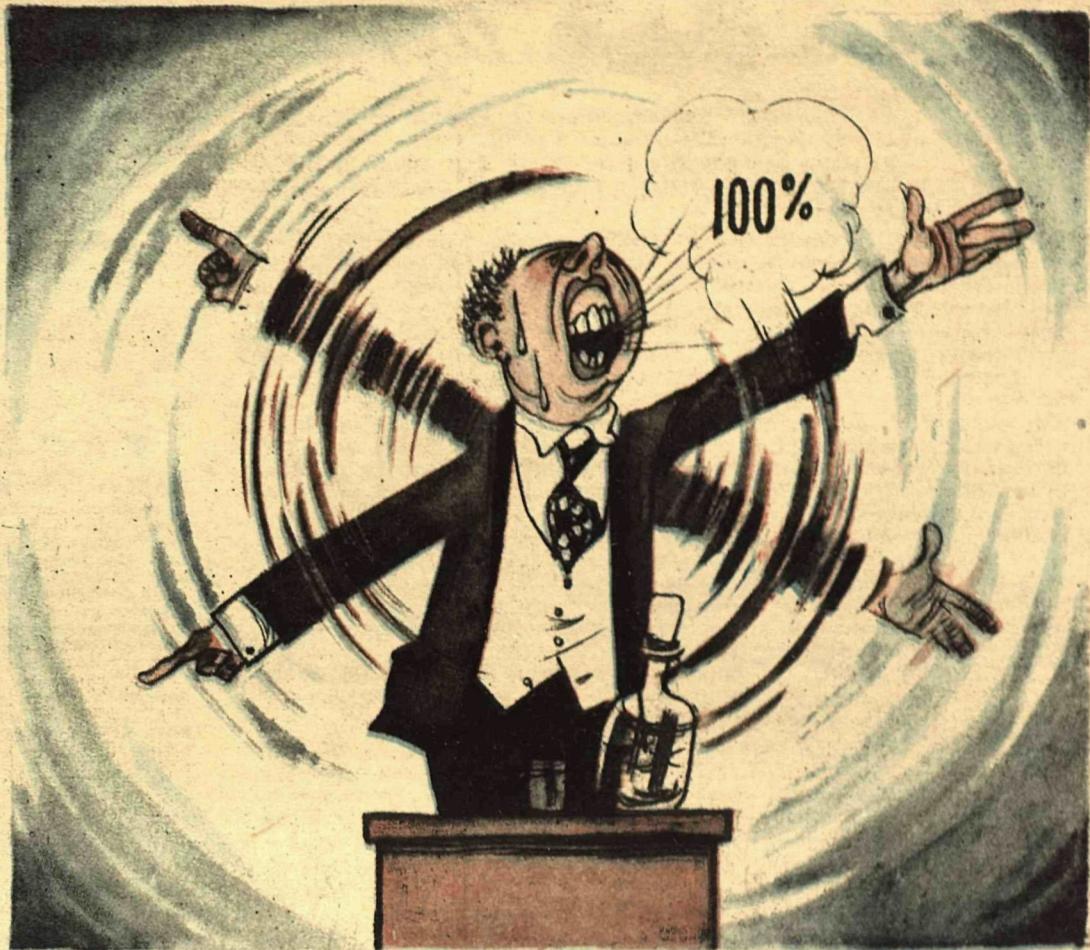
Они были уже около дома, когда Гарпина, остановившись, вдруг сказала:

— Тимош, а Тимош, ты не журься, кажу. Будимо робить с тобой, як уси ударники, всего наживем.

Тимошка поднял голову и увидел счастливое розовое лицо Гарпины и глаза ее, робко улыбавшиеся ему сквозь слезы. Озаренная веселым кубанским солнцем, она показалась ему даже хорошенькой.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. М. Храпковского (тема К. Елисеева)

Мельница, которая, к сожалению, слишком много мелет.

Мельница, которая, к сожалению, мало мелет.

114 лет назад известный немецкий писатель Гофман взволновал весь культурный мир новой удивительной книгой:

„ЖИТЕЙСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОТА МУРРА ВМЕСТЕ С ОТРЫВКАМИ БИОГРАФИИ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ИОГАНА КРЕЙСЛЕРА, ИЗЛОЖЕННОЙ В ДОБАВОЧНЫХ МАКУЛАТУРНЫХ ЛИСТАХ“.

Дотоле никому неведомый, не зарегистрированный в списках сочинителей того времени кот Мурр выступил с книгой, которая сразу получила всеобщее признание и огромную популярность. В этой работе молодой талантливый автор проявил богатый жизненный опыт, разносторонний ум и мудрость философа-практика. Его книга не утратила интереса и для нас, и многое в ней созвучно нашей эпохе.

Гофману не удалось опубликовать полностью записки кота Мурра. Смерть застала писателя на посту. А между тем известно, что еще при жизни Гофмана кот Мурр часто отлучался из дому. Где пропадал четырехногий философ? Где проводил он свой досуг? Все это долго оставалось глубокой тайной. Мы проливаем сейчас свет на эту затененную полосу его жизни. Мы утверждаем, что, покинув гостеприимный дом капельмейстера Крейсера, кот Мурр поселился у крупного хлеботорговца Мостропа. Неопубликованные записки кота обнаружены нами совершенно случайно в папке деловых бумаг, всяких макулатурных листов, содержащих акты, протоколы, резолюции, анкеты и справки. Поскольку для литературоведов всякая мелочь интересна, мы публикуем записки кота вместе с документами в том виде и порядке, как они были нами найдены.

Примечание: Встречающиеся обозначения (И. Д. З.) и (М. прод.) следует понимать так: „из докладной записки“ и „Мурр продолжает“.

КОТ МУРР: ...Вчера еще раз читал „Бориса Годунова“: „Шестой уж год я царствую спокойно...“ Гм... а я только шестой месяц живу у Мостропа и ни одного часа покоя не знал. Положительно хвост дыбом становится от тех безобразий, которые здесь творятся. За шесть месяцев сменилось 9 директоров. Даже я при остром нюхе с трудом отличаю одного от другого. Директоров много, а дел...

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ в правление Мостропа директора хлебной конторы Иванова... надцатого.

„В первую очередь нам необходимо обновить аппарат сверху донизу...“

(М. ПРОД.) ...тоже не мало. В суд передано дел о хищениях и растратах на 460 тысяч рублей. Дела на многих завмагов, совершивших растраты на 275 тыс., совсем не переданы следственным органам. Дела о преступлениях, совершенных в мае, содержались в Мостропе до сентября. Зато люди в аппарате не задерживались. Когда я вспоминаю об этом, мое нутро урчит от возмущения. При штате в 800 человек принято и уволено 2000. И это называли „обновлением“...

(И. Д. З.) „Надо поставить за прилавком настоящего торговца с многолетним стажем и большим опытом. Нам нужны не белоручки, а работники, которые по-настоящему приложили бы свои руки к нашему хлебному делу. Нигде...“

(М. ПРОД.) ...аппарата“. Бывшие торговцы, охотничьи жулики, воры всех мастей, лишенцы. Это называется аппарат. Зам. директора Фейшик — тоже из торговцев. „Ну как не порадеть родному человечку?“ И заемаш, хлебоборезы, кассиры — люди, родные Фейшику по духу, вступили в Мостроп. О, он не ошибся в них! Они приложили руку к хлебу так добросовестно, что за 6 месяцев по хлебной конторе разворовано деньгами и натурой миллион рублей. В этом смысле, надо отдать должное, они проявили...

(И. Д. З.) „...нигде, как в нашем аппарате еще сильны рутина и консерватизм. На сегодняшний день, как таковой, мы не можем терпеть такого положения, когда творческая мысль у нас совершенно в загоне. Во главу угла...“

(М. ПРОД.) ...максимум изобретательности. Они обвешивали и надували потребителя. Они изощрялись, отпуская хлеб по неадекватному чеку дважды: раз покупателю, раз себе. Смекалка этих людей, казалась, не знала предела своему взлету. Член этой изобретательской ячейки завмаг Александров за два месяца работы, используя подоточенные тире и иные свои патенты, „смекнул“ на 18 тысяч рублей. Даже в приказе проникло изобретательство. В приказе № 159 директор Осминин в § 1 объявляет завмагу № 64 **ВЫГОВОР ЗА АНТИСАНИТАРИЮ**, а в параграфе последнем того же приказа тому же завмагу **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ОБРАЗЦОВУЮ ЧИСТОТУ**. Действительно, такой чистой работы я давно не наблюдал! Легкость рук...

(И. Д. З.) „...надо поставить воспитательную работу с кадрами...“

(М. ПРОД.) ...изумительная. А зрелище здесь, доложу я вам! Я видел, например, как в ночь на 9 октября из магазина № 61 бежали два продавца, захватившие по дороге 6 500 рублей. Видел блуждающую палатку № 3376, которая, по данным конторы, перестала существовать еще в июле, но, которая, однако, продолжала получать хлеб до сентября. Наконец, такое интересное зрелище. По улице бежит завмаг, а за ним ютится другой и не своим толомом кричит:

— Сухим ты кот, а не завмаг... Пяти тысяч даже не растратил и уже засыпался. Ты нам всю нашу фирму портишь. Этого мы не позволим! Этого мы...

На этом записки кота Мурра обрываются. Но в той же папке обнаружен ряд документов, которые мы считаем нужным привести. Вот они:

АНКЕТА

Фамилия — Александров.
Профессия — завмаг.

Стаж — снят за растрату в магазине № 18.

Когда выдан паспорт — отсутствует.

Член какого союза — еще неизвестно.

Трудовой список — будет.

Другие документы — предвидятся.

ПРИМЕЧАНИЕ КОТА МУРРА. На анкете učinена надпись „Зачислить завмагом № 74“.

„ЗАЯВЛЕНИЕ завмага Самедотского

В виду того, что я уже растратил 6 500 рублей, прошу считать меня уволенным по собственному желанию“.

ПРИМЕЧАНИЕ КОТА МУРРА. Случаев, когда крупные растратчики не отдавались под суд, а увольнялись из Мостропа по собственному желанию, зарегистрировано не мало.

СПРАВКА. Дана сия тов. Печникову в том, что он растратил 4 000 рублей и назначается хлебоборезом в магазин № 20.

ПРИМЕЧАНИЕ КОТА МУРРА. Спрашивается, сколько нужно разворовать хлебоборезу, чтобы быть назначенным завмагом?

Этим пока исчерпываются достойные внимания документы из архива кота МУРРА.

Записки и документы обнаружили и комментировали

**Е. ВЕСЕНИН
АЛ. СВЕТЛОВ**

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

МАЛЕНЬКИЙ НЕДОСТАТОК

Известен анекдот о свахе, расхваливавшей невесту „со всеми достоинствами“. Единственный недостаток невесты, — под конец сообщила сваха, — это то, что у нее двое детей, да и то „дети-то совсем маленькие“.

Примерно такая же история с лабораторией **ХЛЕБОЗЫВОДА** НОМЕР 8, В МОСКВЕ.

Превосходная лаборатория и анализы делает самые замечательные: „Хлеб имеет столько-то кислотности, такая-то степень пропечки. Пускать в булочные **МОЖНО** (или **ПУСКАТЬ В БУЛОЧНЫЕ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ**)“.

Единственный недостаток в том, что лаборатория делает все эти блестящие анализы... ровно через сутки после выпечки хлеба. То-есть, когда забракованный хлеб уже давно выпущен с завода,

пошел в булочные и даже съеден потребителями.

НЕДОУБЕДИЛ

Заведующий Яским заготпунктом Эрзберг застукал на месте преступления вора, укравшего три мешка зерна.

Будучи от природы толстовских убеждений, Эрзберг отвел вора в сторону и примерно часа полтора убеждал его в некорректности такого поведения. Затем на радостях вышел и заявил сотруднику: „Вот видите, вора я отпустил. Он больше воровать не будет. Я его разубедил“.

Метод Эрзберга, несомненно, заслуживает самого пристального внимания РКИ, тем более, что пока вор „убеждался“, из склада пропало еще несколько мешков. Повидимому, вор немножечко „недоубеждался“.

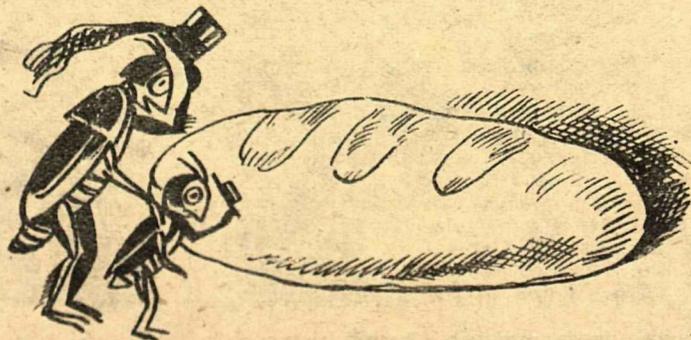
СЛУЧАЙ С ПЕКАРЕМ

Я пекаря как-то вчера повстречал,
И вотреча стиху послужила закваскою.
Конечно читатель уже заворчал
И овой бутерброд отодвинул с гримаскою:
— Ну, ясно, пойдет он описывать грязь,
Рисуя неряху упрямого, злобного...
— А вот и ошиблись! — отрежу, смеясь!
— Ничуть ничего мало-мальски подобно!
Он был ослепителен вплоть до зубов,
Сверкал он своей белоснежной рубашкою,
Высокая шапка кавказских онегов
Казалась бы рядом простой замарашкою...
Махнул бы вам пекарь изящной рукой, —
И вспомнили б сразу весеннее утро вы:
Был цвет у ногтей его нежный такой, —
Нето бирюзовый, нето перламутровый.
Водой ароматной себя окатил,
И было в ней качество самое лучшее:
Ну, как бы оказать вам: Коти не Коти,
Но что-то тэжэйное, сильно пахучее.
Герой-хлебопек не ходил, а парил,
Герой вежеталем изрядно попахивал;
Он гигиенически трубку курил
И в урну свой пепел заботливо стряхивал...
Я вижу: читатель уже не свиреп
И просит пARDону! — Не ждал я подобного!
Конечно у этого пекаря хлеб
Приятней иного изделия сдобного!..
Увы, наведу на читателя тень,
Я сам потемнел весь, как будто навакислся:
У пекаря был выходной его день,
И пекарь с невестой торжественно загислся!

В. ГРАНОВ

Рис. и тема А. Радакова

В пекарне № 21 (Москва) — грязь. Отмечены многократные случаи недоброкачественной выпечки хлеба.

ТАРАКАН: — Обнажи голову, сын мой, — ты стоишь перед гробом твоей матери.

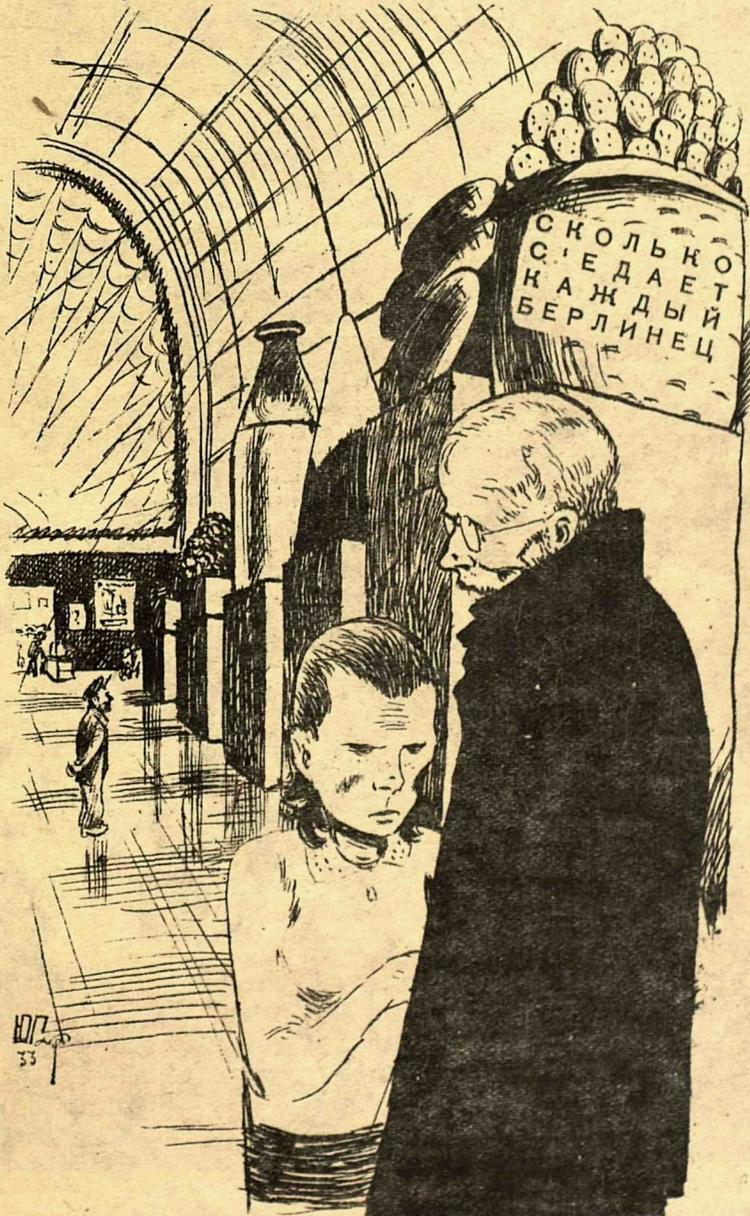
Рис. А. Радакова (тема А. Бухова)

— Подайте кусочек! Три дня не ели хлеба!
— Проходите! Сам три дня тому назад съел последние десять тысяч бушелей.

БЕЗРАБОТНЫЕ В МУЗЕЕ

Рис. Ю. Ганфа (тема Л. Бродаты и В. Лебедева-Кумача)

— Неужели это все может съесть один человек?
— И даже гораздо больше! Потому что кто-то съедает и наши порчки.

Рис. Л. Б. (тема А. Бухова)

Хлеб без покупателя.

Покупатель без хлеба.

Примите
и прог...

АССОРТИМЕНТ ВОЗДУХА

По распоряжению венского магистрата, состоящего преимущественно из социал-демократов,

булочные, в целях экономии, стали выпекать особый „воздушный хлеб“, в котором очень много воздуха и мало теста.

Торговать воздухом для социал-демократов — не впервые. Только раньше они это делали при помощи деклараций, а теперь — при помощи булочных.

КТО СЫТ

Голландские власти запретили газетам на острове Яве

писать о случаях среди туземцев голодной смерти.

И действительно, разве может быть смерть в европейских колониях голодной? Она там всегда сыта.

ЧЕХАРДА ГЛУПОСТИ

По новому открытию фашистских теоретиков рыжие не могут быть арийцами.

А как, интересно, будет с рысками арабской крови? Или арабскую кровь тоже придется заменить арийской?

ОТЦЫ РЕСТОРАТОРЫ

В Испании, в Кордове, в одном из местных монастырей

открыт ресторан с оркестром и вестрадией программой.

Монастырский день проходит здесь, очевидно, так. Молящиеся взывают:

— Поддай, господи!

А прелат монастыря отвечает из кельи:

— Какого прикажите: красного или белого?

УТЕШЕНИЕ

Как сообщает токийская „Ници-Ници“ английские газеты отзываются о манчжурском министре внутренних дел, как о человеке тихом, беззаботном и склонном соглашаться со всеми. Манчжурский двор считает этот отзыв благоприятным.

Один старый поэт по этому поводу очень хорошо сказал: „Да, свет пошел теперь не так: обидяков не понимают. Скажи не пряко — ты дурак, за комплимент уж принимают!“

КИРПИЧОМ ПО ЧЕРЕПУ

Гляжу с улыбкою грустной
(Уж лучше бы я ослеп!)
На этот стандартно-безвкусный
И стандартно-бездарный хлеб.

Телу — камень, душе — отрава,
Он мне каждой крошкой претит.
Но ведь я не лишен же права
На вкус и на аппетит?

Для того ли летние грозы
Теплой влагой поили страну,
Для того вздымали колхозы
Необъятных полей целину?

Для того ли в ученые тайны
Посвящал молодняк агроном?

Для того ли текли комбайны
Золотым и тяжелым зерном? —

Чтобы пекарь, как бочка, грузный
И мрачный, как птица-суч,
Испек мне этот безвкусный
Крутой и серый кирпич?

Телу — камень, душе — отрава,
Он мне каждой крошкой претит...
Я хочу заявить свое право
На вкус и на аппетит.

Не обнять стандартом единым
Все формы и все сорта...
Я хочу пеклеванного с тмином,
Ароматного, как мечта!

Я хочу для души покою
(И нельзя хотеть горячей!) —

Осыпающихся мукою
Поджаристых калачей.

Я хочу — и упорным думам
Подсовывает Аллах
Аппетитный ситный с изюмом,
Прячущимся в углах!

Я хочу... Но лежит предо мною
(Хоть пальцем в мерзавца тычи!)
Подгорелой своей стороною
Гримасничающий кирпич.

И давит на мозг, как гряда
Обращенной в гранит требухи,
И выдавливает оттуда
Вышесказанные стихи!

А. Д'АКТИЛЬ

НАДЕЖНАЯ ОХРАНА

Рис. К. Елизарова (тема Л. Бродаты)

10

МЫШЬ — Гражданин сторож! Если вы так будете сторожить, не только вам, но и мне ничего не останется!

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ: — И в кого он только такой уродился!

СТРАДАНИЯ МЕЛЬНИКА

Текст М. Пустынни.

Музыка Ф. Шуберта

Движенье—радость вся моя—движенье, (2 раза)
Но без движенья поезда,
Напрасно их я жду сюда —

напрасно! (4 раза)
Вагонов ждать терпенья нет, терпенья, (2 раза)
Вагонам надо б выйти в срок,
Но их загнали в тупичок —

загнали. (4 раза)
Колеса по сто дней стоят, колеса (2 раза)
И не стучат и не гремят,
Везти пшеницу не хотят —

пшеницу. (4 раза)

Стоят недвижно жернова, недвижно.

(2 раза)

Плясать, вертеться им подстать,
Нельзя ж от темпов им отстать —

нельзя же. (4 раза)

Пустил бы мельницу я в ход, пустил бы, (2 раза)
О том свою веду я речь,
Что надо хлеб скорее печь,

скорее. (4 раза)

Вода примером служит нам, примером, (2 раза)
Но не затем, чтоб день и ночь
Ту воду в ступе нам толочь,

ту воду. (4 раза)

Движение—радость вся моя — движенье, (2 раза)
Но без движенья поезда,
Напрасно их я жду сюда,

напрасно! (4 раза)

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

1 ноября. Сегодня пригласили меня в Центральный парк культуры и отдыха. Не подумайте только, что я там отдыхал. Я и там работал. Внес целый ряд рационализаторских предложений, как „окрокодилить“ парк. Предложил устроить „бюрократический лабиринт“, движущиеся карикатуры и др. аттракционы.

10 ноября. Готовлю специальный номер о бумаге. Сегодня вернулись мои бригады с бумажных фабрик Добруша, Балахны и Сяси. Начали поступать корреспонденции и с других предприятий. Материал интересный! Чувствуется, что в этом номере зря бумагу тратить не буду.

15 ноября. Решено. С 1934 года начну выпускать, кроме журнала, специальную сатирическую библиотечку. Объявил срочную мобилизацию всех своих писателей и художников. Предложил немедленно обсудить тематический план будущих сборников.

С № 31 „КРОКОДИЛ“ ВЫХОДИТ НА 12 СТРАНИЦАХ

11245
991

Виллы

в бок

39 668

АРХИВ
21 НОЯ 1933
Г. Ц. К. П.

С ПИСАНОЙ ТОРБОЙ

«...В последний раз категорически предлагаем вам ликвидировать задолженность по тарам и количеству мешков и отплатить такую же будет рассматриваться как срыв политической кампании с вытекающими последствиями».

Так угрожают тт. Тарасюк и Амнуэль из Днепропетровского потребсоюза Криворожскому ЗРК. Вот это ловко! Не всякий додумается большую политическую кампанию втиснуть в один мешок.

ДОСТОЙНЫЕ ПОТОМКИ

На ст. Москва - Сортировочная работники Октябрьской дороги занимают очковирательный вагон и обжаривают. Чтобы скрыть наличие больших вагонов, их стараются не брать на учет. Или вовсе не брать на учет. Очевидно, работники станции Москва-Сортировочная являются достойными потомками гоголевского горючего в таких случаях заметить, что ничего Сквозник-Духановского, конечно, Сквозник-Духановский не хорошо, если бы меньше, потому что это тотчас отнесут или к дурному самоучастию или к неискренности врача (Гоголь. «Ревизор»).

ЛЕРМОНТОВ О ЛЕРМОНТОВЕ

Октябрьская дорога не справляется с перевозкой зерна. Ежедневно дорога держит больше тысячи лишних вагонов. Зерно горит и расхищается, а начальники службы движения дорог не думают, что они «без руля и без ветрил тило плавают в тумане...»

Не о Лермонтове ли и его помощниках сказано его знаменитым однофамильцем, что они «без руля и без ветрил тило плавают в тумане...»

НОВЫЙ МЕТОД ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА

Сталинградская межрайонная контора Заготзерно разослала всем своим пунктам циркуляр. В нем предлагается обратить серьезное внимание на качество хранения зерна, не допуская:

1. Смешивания сортов и сортов.
2. Смешивания порчи и т. д.
3. Подмочки, порчи и т. д.

Не станем перечислять всех предлагаемых мер, а перейдем к той части циркуляра, которая заслуживает внимания:

«Для более успешного проведения работ по улучшению качества зерна, необходимо организовать добровольные пожарные дружины».

Для чего же тут пожарники? Может быть, надо охладить изобретения запарившихся автоциркуляра?

БУЛКИ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Директор пекарни № 8 Узпромхлеба, в Ташкенте, Гольденберг вместе с выпечкой булок по своим почётным занятиям по составу текста такой грамоты: выпечка.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Коммунистическая партия под руководством ее ленинского ЦК класса рабочего ведет революцию. Выпечка с мировой стойкой партии в области выпечки булок, является одним из лучших самостоющих борцов на этом фронте, это ты, товарищ!

(Фамилия, имя и отчество) мером подлинно ударных приоткрылся на мировой революционной области выпечки булок. Треугольник хвостика выпечки № 8 Узпромхлеба подает тебе героический пример в борьбе за качество выпечки булок. Директор Гольденберг». Нам кажется, что для приготовления хорошей булки вовсе не так важно быть в ба...

НАСЧЕТ ПРЕМИРОВАНИЯ

По прямому указанию Главмучи проводилось премирование рабочих и служащих аппарата и цехов за полугодие выдано без нарядов 1.300 премирований № 1 и 2 Горьковского края выдано премирований 13.710 премирований.

Мы не понимаем, почему премировать рабочих Главмучи нужно уже скорее премировать овсом.

ВОКРУГ КОЧАНА

В журнале «Вокруг света» (№ 9, 1933 г. стр. 23) помещено открытие: «Другие формы китайской макулатуры образуют довольно рыхлые кочаны, при этом вес кочана колеблется от 1 1/2 до 5 килограммов».

Хотелось бы знать попутно, сколько же в этом кочане литров и киловатт?

О ПОЛЬЗЕ ОПЕЧАТОК

Председатель колхоза «Пробуждение» Гикало написал рапорт в райгазету «Колхозное знамя»: «Для поставки картофеля государству выполнил. Картофель отведен — прелесть! Оста же» и т. д.

Рапорт был помещен, но в него вкрадась опечатка. В слово «прелесть» вместо второй буквы «е» попала буква «о»: т. е. получилось слово «ор», противоположное по смыслу — прелесть... После такого странного порота сданный картофель оказался плохим. Предколхоза проклинал себя: «Чорт дери, а я еще написал, что в колхозе осталась картошка хуже!».

«В общем, как говорится: „Не было бы счастья, да... корректор помог...“

„КУЛЬТБЕСПРОСВЕТ“

В Старокопачинское (Винницк. обл.) 3 церкви, 1 костел, 3 синагоги и 1 кино. Когда потребовалось помещение под сыпучего не обидел: взял — церковь, синагогу и 1... кино. «Великий немой» стал еще и слепым. Предгорсовету самому не мешало бы завести очки: его руководство явно близорукое.